

СМ НОВИНКИ

ЕЩЕ ОДИН ПРАЗДНИК

Франко Маттеуччи - вице-президент крупнейшей итальянской телекомпания RAI 1. Но его успех в литературе не случаен. Отличный стилист, обладающий тонким чувством юмора и остро ощущающий трагичность порой привычных и даже надоевших ситуаций... Читатель находит в книгах

итальянского романиста то, что он видит в жизни, но обычно пробагает мимо, не задумываясь и не осмысливая происходящее. «Праздник цвета берлинской лазури» (издательство «Азбука») - это не тот праздник, который всегда с тобой. Но забыть его так же трудно, как прекрасную книгу Эрнеста Хемингуэя.

МИР, В КОТОРОМ
МЫ ЖИВЕМ

Профессиональный грабитель, с рождения обладающий уникальной способностью летать... Женщины-снайпер, любившая на войне только тех, кто обязательно погибнет, что она чувствовала заранее... Профессор, разработавший рецепт вечной молодости, но так и не сумевший в полной мере воплотить его в жизнь... Эти и многие другие персонажи создают ткань нового романа **Дмитрия Липскерова «Леонид обязательно умрет»** (издательства «Астрель», «АСТ»).

плотить его в жизнь... Эти и многие другие персонажи создают ткань нового романа **Дмитрия Липскерова «Леонид обязательно умрет»** (издательства «Астрель», «АСТ»).

В ПОИСКАХ РАЗГАДКИ

Прощаясь с холостяцкой жизнью, Майкл Харрисон устраивает мальчишник, который заканчивается трагедией: виновник торжества бесследно исчезает, а четверо его лучших друзей погибают. Расследовать преступление берется детектив Грейс, который воспринимает подобные загадки как личный вызов

- когда-то при невыясненных обстоятельствах пропала его жена... Детектив **Питера Джеймса «Убийственно просто»** (издательство «Центрполиграф») стал мировым бестселлером почти сразу же после выхода в печать. Во всем мире продано более восьми миллионов экземпляров романа, книга уже переведена на 20 языков и готовится к экранизации.

ЗАГЛЯНИ ЗА ГОРИЗОНТ

«Сейчас я скажу вам странную вещь: иногда мне кажется, что такие, как мы, - это виноград, а такие, как ваш брат, - вино»... Как каждый поэт, **Лена Элтанг** стремится сотворить свою вселенную, которая была стройнее и прекраснее нашей, реальной. Ей это почти удается. Правда, ее мир построен по особым, едва ли применимым к жизни законам. Иными словами, за красоту надо платить. Герой романа **«Побег куманьки»** (издательство «Амфора») стоит рядышком с князем Мышкиным, Годуновым-Чердынцевым, героем «Школы для дураков» Соколова, пассажиром поезда Москва - Петушки и другими не от мира сего, пытающимися заглянуть за горизонт видимого.

Людмила УЛИЦКАЯ считает, что в литературу она пришла «с улицы». Никто ей не протезировал, никому она не старалась понравиться... Даже ее первая книга вышла на французском языке. А уж потом, когда об авторе заговорили в Европе, Улицкая стала желанным гостем в российских издательствах. Сегодня она лауреат престижных литературных премий, автор множества книг, переведенных на тридцать языков мира. Только что вышедший роман Улицкой «Даниэль Штайн. Переводчик» критики считают новым этапом в творчестве писательницы, а саму книгу оценивают как прорыв в современной прозе.

ФОРМУЛУ СОВЕСТИ
ПОКА НЕ ВЫВЕЛИ

- Людмила Евгеньевна, о чем и о ком книга?

- У героя романа был реальный прототип. Это удивительный, светлый человек Даниэль Руфайзен. Он появился в моей жизни как комета, шаровая молния. Мы общались всего несколько часов, когда он оказался в 1992 году проездом в Москве. Но теперь я понимаю, что он изменил мою жизнь, а в результате нашей встречи появился этот роман.

В жизни Руфайзен был маленьким, трогательным, очень приватным человеком. Совершенно без признаков значительности: в сандаликах, растянутом свитере, не в сутане, а в партикулярной одежде... Но это ощущение «шаровой молнии» осталось до сих пор. Так же, как и удивительные ответы, которые он давал на наши вопросы. Ни на один вопрос он не отвечал ожидаемо.

- Идея написать книгу возникла после этого?

- И да, и нет. Когда он ушел, я долго переживала встречу и решила написать книгу о священнике Руфайзене. Но оказалось, что книга о нем уже написана. Тогда мне предложили сделать ее перевод. Я начала работу, но поняла, что меня такой вариант не удовлетворяет.

Автор книги, американка, проделала очень большую и кропотливую работу, добросовестно собрала множество интервью... Но, на мой взгляд, она не увидела сердцевину явления, не донесла до нас подвижничества этого человека. По книге вся героика кончается после Второй мировой войны. В то время как для меня и первая половина его жизни - концлагерь, борьба за спасение людей, пастырская миссия и вторая часть его бытия, когда он стал жить жизнью священника, связаны друг с другом и являются единым подвигом.

Я переводила и мысленно постоянно спорила с автором. Мне хотелось писать комментарии... Так появилось мое документальное исследование. И, хотя часть его была опубликована, меня оно тоже не удовлетворяло. Я поняла, что в документальном жанре не смогу выполнить поставленную задачу. Потому что Даниэль был в мире не один. Как любой священник, харизматическая личность, он притягивал к себе людей.

Он руководил небольшой христианской общиной в Израиле, и смысл его существования не читается без судеб тех людей, которые его окружали. Особенность общины была в том, что все люди оказались выходцами из Европы, причем большей частью не евреи, но связанные с евреями через родство. И еще важная деталь. Это люди со сложными судьбами, маргинальным прошлым. И документальный рассказ о них был бы для них опасен. В Израиле по сей день весьма сложные отношения между христианами и иудеями, не говоря уже о сложностях в отношениях между иудеями и мусульманами. Поэтому я выбрала художественный рассказ о жизни отца Руфайзена. Так появился Даниэль Штайн.

- Можно сказать, сколько в книге вымысла, а сколько достоверных фактов?

- Я не могу определить процентное соотношение правды и вымысла. В каком-то смысле правда все, а

в каком-то - все вымысел. Все же канва истории придумана мной. Надеюсь, читатель будет ко мне снисходителен. Я не хотела никого обидеть, но не избегала острых, проблемных вопросов, которые могут кого-то раздражать и даже, неумышленно с моей стороны, оскорбить.

И мой герой всю жизнь шел «по острию». Он обладал даром любви и милосердия, был нетерпим к некоторым идеям и воззрениям, но был с избытком терпим к людям. Его могли не любить очень многие. Но вот что поразительно: его любили абсолютно все. Мне кажется, что в его лице я встретила святого. Если мне удастся донести эти чувства до читателя, то, значит, я свою задачу выполнила.

- Вы написали книгу и в каком-то смысле выполнили обет. Изменила ли вас работа, что нового вы открыли для себя в процессе реализации замысла?

- Я считаю себя человеком церковным, с двадцати пяти лет хожу в церковь. Но в тот момент, когда жизнь свела меня с Даниэлем, у меня был глубокий духовный кризис. Те формулы, которые меня утешали десятилетиями, где я находила ответы на любые вопросы, вдруг перестали работать. Это чрезвычайно неудобная жизненная ситуация.

Но когда появился Даниэль, я поняла, что такое состояние для человека - норма. А полная удовлетворенность, уверенность в том, что на все вопросы есть ответ и ты всегда прав, - вот это неправильно. Человек должен постоянно ставить новые вопросы и отвечать на них. Или не отвечать, искать и не находить ответы. К этому меня подготовил католический священник. И в этом помог разобраться мой герой.

- Вероятно, работа над книгой вынуждала вас обращаться к историческим источникам, архивам, философским трудам?

- По существу я получила еще одно высшее образование. Не говорю уж о том количестве книг, которое пришлось перечитать. Это в моем-то возрасте, когда память не та... Сажу с карандашом, выписываю, а потом ломаю голову: что я там написала? До сих пор рядом с письменным столом остались кипы книг, которые приходится обходить.

У меня уже был опыт написания романов. И каждый раз работа что-то меняет внутри, я выхожу из этого состояния иным человеком. Наверное, так же чувствует себя личинка, которая после определенно периода сбрасывает оболочку и превращается в бабочку. Обновление происходит не только внешне, но и внутренне. Если хотя бы часть этих ощущений получат и читатели, будет очень хорошо.

- Ваше творчество учит толерантности. Но в нашем мире толерантность чаще декларируется, чем становится руководством к поступкам.

- Я никогда не употребляю этого термина. Он стал одним из затертых казенных оборотов, фальшивым проявлением политкорректности. Но все же такая позиция лучше, чем драка на улице, нетерпимость и открытая вражда. Лучше звучат и понимаются слова «милосердие», «терпимость». Те качества, которых

нам всем очень не хватает и в частной жизни, и в политике.

- Вы биолог по профессии, работали в Институте общей генетики АН СССР. Как вы относитесь к сообщению о том, что найдены ген совести и ген веры в Бога?

- Недавно я прочла, что ученые определили ген когнитивности - ген сознания человека. Так что я не исключаю, что найдут место, где у человека прикреплется ген, о котором вы говорите. Но вообще-то до сих пор мы считали, что совесть - это душевное качество... Мы не знаем, где они крепятся, но точно знаем, что они есть чувство совести и чувство веры. У меня эти вопросы постоянно возникали при обсуждении книги «Казус Кукоцкого».

Есть люди, у которых идеальный слух. А есть те, кто ничего «не слышит». Встречаются те, кто прекрасно чувствует цвет или соотношение оттенков... И немало других, для кого гармония непонятна. Мне кажется, что способность верить - из той же области. Обладает ли человек геном, рецептором чувствования какого-то потустороннего, много, высшего мира?

Но не это на самом деле определяет наши взаимоотношения и наш мир - верующий человек или нет. Другие вещи очень важны - порядочны люди или нет. Соблюдают они закон, который существовал еще до христианства, до эпохи Библии? Он был известен еще древним грекам: не делай другим того, чего не желал бы, чтобы сделали тебе. И это совсем не религиозная схема. Она не объясняет, почему мы поступаем так, а не иначе. Одни воспринимают это как заповедь Бога, для других линия поведения диктуется наказом родителей, а кому-то просто так больше нравится...

- Надеемся ли вы своим творчеством, книгами изменить отношения людей, повлиять на их поведение?

- Для меня написание книг - что-то вроде жизнедеятельности моллюска. Улитка выработывает вокруг себя мантию, так и я пишу книги. Другое дело, что у каждого человека есть зона влияния. Нянечка в детском саду, врач, учитель, чиновник, который сидит в какой-то конторе... Все они так или иначе имеют влияние на окружающий мир. Конечно, и у писателя есть такая способность - оказывать воздействие на читателей. И если это произойдет, будет замечательно. Но каких-то особых иллюзий на этот счет я не питаю.

ОТКРОВЕНИЯ «ТЯЖЕЛОВЕСА»

История, уж тем более политическая история, не терпит сослагательного наклонения. С этим не поспоришь. И все же, когда думаешь о судьбе **Евгения Примакова**, непроизвольно начинаешь вспоминать... А как бы все повернулось, что бы сейчас было на политической карте мира?

правишь. Остается только предполагать и вспоминать. Этим и занялся политический «тяжеловес», как иногда называют Евгения Примакова. Он выпустил в издательстве «Молодая гвардия» книгу «Минное поле политики» - автобиографию, которая больше похожа на воспоминания, размышления о судьбах страны и мира.

Ему есть что рассказать и есть о чем умолчать. В разные годы Евгений Максимович занимал должности председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, был членом Прези-

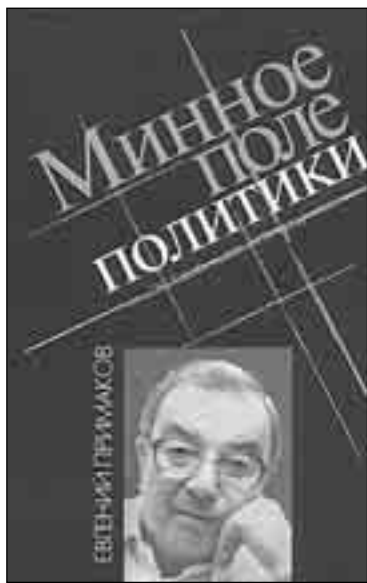
дентского совета и Совета безопасности СССР. В 1990-е годы руководил Службой внешней разведки, затем - Министерством иностранных дел. С сентября 1998-го по май 1999 года был председателем Правительства Российской Федерации. В настоящее время академик Примаков - президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

«Это, по сути, новая книга, хотя и является вторым, переработанным изданием книги «Встречи на перекрестках», вышедшей сравнительно небольшим тира-

жом в Екатеринбурге. Я стремился к тому, чтобы эта книга, как и прежде изданные, не была конъюнктурной, просматривающей прошлое, пережитое через восприятие сегодняшнего дня», - пишет автор в предисловии.

Кажется, Примакову в полной мере удалось выполнить поставленную задачу. (Ему вообще свойственно реализовывать задуманное.) В книге нет и тени того, что, увы, очень часто проскальзывает в подобных работах - отражений сиюминутного, наносного, пришедшего из псевдоаналитических выкладок карманных политологов и угловатых аналитиков и спичрайтеров.

«Минное поле политики» можно было бы назвать политическим завещанием. Только как-то не хочется говорить об уходе «тяжеловеса» с политического ринга...

В прочем, забудем о том, кто, кого и как «мочил». В конце концов, потерянного не воротить, сделанного не ис-